

КНИГА 2
ЖИВОЕ

Глава 1

Пробуждение

Мелкая говорила: «У меня есть башни из слов. Выше облаков, прочнее стали... У меня есть заклинание, а в нем загадка. Дай ответ — и твое желание сбудется. Дай ответ, Ржавчина...»

Глупости болтала. Как и все девчонки. Я ей не верил, знал, что глупости, но каждый раз исправно отвечал... И странно было, что детское заклятие работало. Конечно, все — лишь совпадение, даже в детстве я не верил в подобные глупости. Но почему-то не хотел огорчать мелкую...

Я помню день, когда она появилась в приюте. Такая чистенькая, в красивом платье с кружевным передником, в бархатной накидке. С косичками до самого пояса и штормовыми глазищами, в которых застыли какая-то недетская грусть и — немного — удивление.

Настоятели привели ее в общую комнату и оставили на растерзание приютских выкормышей. С девчонки мигом содрали бархатную накидку и красивый передник, отобрали мешочек с пожитками, распотрошили его. Вытащили вещички, кулек с конфетами,

ручное зеркальце. Ну и стукнули, конечно, мелкую: для острастки, чтобы место знала.

Я сидел, как и положено — наверху, глядя на копошавшихся приютских крысят, роющихся в чужих вещах.

Девчонка на удивление молчала. Не орала, не редела, не кидалась отбирать свои пожитки и платица. Молчала, смотрела с каким-то нездешним удивлением, хлопала своими штормовыми глазищами. Зеркальце присвоила Корка. Ей, как и мне, исполнилось семь, и она уже оценила силу своего красивого личика. Передник глупые девчонки порвали, потому что поделить не смогли, так и тащили в разные стороны, пока ткань не треснула. Конфеты принесли мне. Кулек я взял, цыкнул на малышню, взиравшую на сладости голодными глазами. Крысята притихли, отшатнулись. Я сунул руку в кулек, вытащил что-то яркое и сладко пахнущее, положил в рот. Причмокнул, не отрывая взгляда от пришлой девчонки. Чтобы знала, что все ее теперь принадлежит мне. Захочу — все отберу. Захочу — и стукнут ее уже не для острастки, а по-настоящему. Пусть знает, кто здесь хозяин! Знает и боится! Потому что страх — это сила. Единственная сила... Что-что, а эту истину я усвоил раньше, чем начал ползать... А новичков надо учить сразу, ставить на место, а то являются такие чистенькие, думают, лучше нас, приютских крыс...

Чистенькая новенькая тарасилась без всякого страха. Лишь с изумлением, а еще... смехом?

Я поперхнулся непонятной конфетой, выплюнул на руку. Что это такое?

— Надо без бумажки, — пояснила девчонка. — И лучше вот эту, красную... она вкусная.

Пока я кашлял, выплевывая остатки размокшей во рту бумажки, мелкая забрала у меня кулек — невиданная наглость! И раздала конфеты крысятам. Тем, кто не участвовал в дележке ее скудного имущества. А потом еще и осмелилась хлопнуть меня по спине, чтобы выбить из горла застрявшую там липкую бумажку!

Кашлять я перестал. Крысята притихли, судорожно пряча за щеками сладости: пока не отобрали. Уставились на меня, ожидая расправы. А пришедшая глупышка и не понимала, что ей теперь каюк. Стояла и чуть ли не улыбалась, рассматривая меня!

Я вытащил кусок стекла, подкинул на руке. Штормовые глазищи стали круглыми. Поигрывая острым стеклом, я направился к девчонке. Шел я медленно, зная, что каждый шаг — как приговор. И пора бы ей уже начать реветь да умолять о снисхождении. Только эта чужачка не ревела. Даже когда я срезал под корень ее косы. Держать только пришлось, но тут Плесень и Проныра помогли, как всегда... Без кос мелкая стала какой-то другой... Я сунул стекло ей под нос, повертел.

— Поняла? — весомо произнес я.

— Поняла, — фыркнула мелкая. — Дурной ты причесочник! Руки кривые!

Мор засмеялся, и я двинул ему кулаком. Хотя надо было треснуть девчонку. Но я двинул Мору. Мор двинул мне, а дальше понеслось... Конечно, прибежали настоятели, отправили меня в холодный сарай — остывать. Остыл я там изрядно, все ж конец осени был. Сидел

на досках, думал, злился. И все пытался представить, какой вкус был у той красной конфеты...

И как зовут эту гадкую девчонку, которой я ночью обрежу не только волосы, но и уши! Обязательно обрежу! Вот только выйду из змеева сарая...

Я открыла глаза и долго смотрела на светлый квадрат окна, пытаюсь понять, где нахожусь. Тяжелые синие портьеры, обрамляющие раму и стекло, оказались незнакомыми. Где я? Что произошло?

Молчащая память вдруг всколыхнулась и утопила в воспоминаниях. Напряженная спина Криса, стоящего перед дверью, яркий свет Мертвомира, бег... Нападение. Эфрим. Чудовища... Кольцо, упавшее к моим ногам.

Страх и непонимание сжали горло. Где Кристиан? Что с ним? Жив ли?

Я охнула, подняла руку. Попыталась поднять, потому что в теле разлилась вязкая предательская слабость. С трудом поднесла ладонь к глазам. Вот она — черная лента вокруг запястья. Значит, ничего не приснилось. Все было по-настоящему.

Я побывала в Мертвомире и вернулась... вернулась в полном смысле этого слова.

Осторожно, боясь дышать, взяла свою прядку, распрямила. И не сдержала всхлипа. Темно-каштановая и длинная. И зелень из моих радужек наверняка тоже исчезла. Ко мне вернулся мой истинный облик, облик Вивьен Джой. Но почему?

Меня захлестнуло отчаяние. Неужели таково действие Двери? И куча февров видели меня с этим клятым

цветом волос и этими глазами! Тогда почему я лежу в довольно удобной кровати, а не сижу в каком-нибудь подвале? Хотя... верно, меня будут допрашивать. Чтобы узнать, как я решилась на столь жуткое преступление, где раздобыла документы Ардены и куда дела саму госпожу Левингстон.

Мне стало нечем дышать. А ведь я понятия не имею, где находится мой «подлинник». Ардена не говорила, где собирается провести этот год, как скрываться. Я даже не знаю, кто ее возлюбленный. Да даже если бы и знала... Ардена ведь предупреждала, что от всего отопрется. И отвечать придется лишь мне.

Я закрыла глаза. Впрочем, это справедливо. Я сплеховала, значит, мне и нести ответственность. Ардена дала мне шанс, а я... Надеюсь, меня казнят быстро и без пыток.

Стоило подумать о последнем, и стало зябко.

Я натянула на глаза приятно пахнущее лавандой одеяло, тихо всхлипнула. Пыток не хотелось. Казни, впрочем, — тоже.

Надо бежать! Хоть попытаться! Я не сдамся просто так, я буду бороться! Может, угнать транспорт, взять на таран ворота из Двериндариума, пролететь мост? Или переплыть залив, чтобы оказаться на Большой земле! Одна загвоздка: я не умею водить транспорт, не умею ездить на лошадях, не умею плавать... У меня есть две ноги, которые неплохо работают, только в этот раз умение бегать не поможет.

С острова Двери не сбежать, если нет крыльев!

Вздыхнув, я отвернулась от окна, откинула одеяло и села. И тут же из кресла напротив поднялась

пышнотелая женщина в коричневом платье и белом переднике. На правой стороне груди был вышит зеленой нитью знак врачей.

— Проснулась? — Незнакомка потрогала мой лоб, заставила высунуть язык, внимательно осмотрела глаза и радужки.

Я громко сглотнула и дернулась в сторону, ссутулилась. И так ясно, что мне каюк, зачем это подчеркивать? Зажмурилась, зябко поджала босые ноги — от двери тянуло сквозняком. На мне оказалась длиннополая хлопковая сорочка. А комната очень напоминала лекарскую.

— Где я? — голос удивил хриплыми нотами. — Сколько прошло времени? Что с Кристианом?

— Успокойтесь. Хотите в уборную?

Я быстро кивнула и попыталась встать. Пошатнулась, ухватилась за спинку кровати. И почему я такая слабая?

Женщина сунула мне под ноги бархатные домашние туфли и проводила за дверцу, где находилась уборная. Зеркала внутри не оказалось. А стоило вернуться, и меня тут же запихнули обратно в постель и сунули под нос чашку с каким-то варевом. Я сделала глоток, поперхнулась. Настой оказался ядреным — смесь трав и специй, меда и лекарств. Но горло иссушила жажда, поэтому я выпила все до дна. Закашлялась, и женщина стукнула меня по спине. Заботливая какая, надо же! Ну да, обидно будет, если жертва скончается раньше времени от удушья!

— Хватит! — от страха я рывкнула сильнее, чем хотела, и врачевательница обиженно поджала губы.